

Таноб / поэма

Category: Kitapcy, Poesmalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Таноб / поэма ТАНОБ

1.

От Иоанна Лествичника чтение:

«Я посетил взыскуемый Таноб

И видел сих невинных осужденцев.

Никем не мучимы, себя же мучат сами.

Томясь, томят томящего их дух.

Со связанными за спиной руками

Стоят всю ночь, не подгибая ног,

Одолеваемые сном, качаясь,

Себе ж покоя не дая на миг.

Иные же себе томяще зноем,

Иные холодом, иные, ковш

Воды пригубив, отвергают, только б

Не умереть от жажды, хлеб иные

Отведав, прочь бросают, говоря,

Что жившие по-скотски недостойны

Вкушать от пищи человеческой,

Иные, как о мертвецах, рыдают

О душах собственных, иные слезы

Удерживают, а когда не могут

Терпеть – кричат. Иные головами

Поникшими мотают, точно львы,

Рыкаяще и воя протяженно.

Иные молят Бога покарать

Проказою, безумьем, беснованьем,

Лишь бы не быть на муки осужденным

На вечные. И ничего не слышно

Опричь: «Увы! Увы!» и «Горе! Горе!»

Да тусклые и впалые глаза,

Лишенные ресниц глазничных веки,

Зеленые покойницкие лица,
Хрипящие от напряженья перси,
Кровавые мокроты от биенья
В грудь кулаком, сухие языки,
Висящие из воспаленных уст,
Как у собак. Все темно, грязно, смрадно».

2.

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась
В неистовстве и корчах: совлекая
Отравленный хитон Геракла – плоть.
Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие, метущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний.
Но был хитер и ловок Сатана:
Природа мстила, тело издевалось,
Могучая заклепанная хоть
Искала выходы. В глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини, в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху,
В последней спазме не могли различить
Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом, Солнце – печью

Для грешников. Спаситель – палачом.

3.

Водитель душ измученную душу
Брал за руку и разверзал пред ней
Зияющую емкость преисподней
Во всю ее длину и глубину.
И грешник видел пламя океана
Багрового и черного, а в нем
В струях огня и в огневертях мрака
Бесчисленные души осужденных,
Как руны рыб в провалах жгучих бездн.
Он чувствовал невыносимый смрад,
Дух замирал от серного удушья
Под шквалами кощунств и богохульств;
От зноя на лице дымилась кожа,
Он сам себе казался гнойником;
Слюна и рвота подступали к горлу.
Он видел стены медного Кремля,
А посреди на рдяно-сизом троне
Из сталактитов пламени – Царя
С чудовищным, оцепенелым ликом
Литого золота. Вкруг сонмы сонм
Отпадших ангелов и человеческий
Мир, отданный в управу Сатане:
Нет выхода, нет меры, нет спасенья!
Таков был мир: посередине – Дьявол –
Дух разложения, воля вещества,
Князь времени. Владыка земной плоти –
И Бог, пришедший яко тать в ночи –
Поруганный, исхлестанный, распятый.

В последней безысходности пред ним
Развертывалось новое виденье:
Святые пажити, маслины и сады
И лилии убогой Галилеи...
Крылатый вестник девичьих светлиц

И девушка с божественным младенцем.
В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: она
Сама была материей и плотью,
Еще не опороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Внесенной выше ангелов, землей,
Рождающей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,
Когда преодолееет разложение
Греха и смерти в недрах бытия.
И к ней тянулись упования мира,
Как океаны тянутся к луне.

4.

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фраунбергского собора
Смиреннейший Коперник. Галилей
Неистовый и зоркий вышиб двери,
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,
А Ньютон – Дантов Космос, как чулок
Распялив, выворотил наизнанку.
Все то, что раньше было Сатаной,
Грехом, распадом, косностью и плотью,
Все вещество в его ночных корнях,
Извилиных, наростах и уклонах –
Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке,
Теперь реальным стало только то,
Что можно было взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.
И новая вселенная возникла
Под пальцами апостола Фомы.
Он сам ощупал звезды, взвесил землю,

Распялил луч в трехгранности стекла,
Сквозь трещины распластанного спектра
Туманностей исследовал состав,
Хвостов комет и бег миров в пространстве,
Он малый атом ногтем расщепил
И стрелы солнца взвесил на ладони.
В два-три столетия был преобразен
Весь старый мир: разрушен и отстроен.
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мироздания,
Хрустальный свод расколот на куски,
И небеса проветрены от Бога.

5.

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыхание,
Старухам в пах вшивал звериный пол.
Отрубленные пальцы в термостатах,
В растворах вырезанные сердца
Пульсировали собственной жизнью,
Разъятый труп кусками рос и цвел.
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше,
В себе стремился выжечь человек
Все то, что было плотью, так теперь
Отвсюду вытравливал заразу духа,
Охлаждал не тело, а мечту,
Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывал запреты и табу

На все, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...
Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мироздания
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

6.

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под ошупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенную тлею Энтропии;
От выверенных Кантовых часов,
Секундами отсчитывающих время –
Метель случайных вихрей в пустоте,
Простой распад усталых равновесий.
Мир стер зубцы Лапласовых колес,
Заржавели Ньютоновы пружины,
Эвклидов куб – наглядный и простой –
Оборотился Римановой сферой:
Вчера Фома из самого себя
Ступнею мерил радиус вселенной
И пядями окружность. А теперь
Сам выпяченный на поверхность шара,
Не мог проникнуть лотом в глубину:
Отвес, скользя, чертил меридианы.
Так он постиг, что тяготенье тел
Есть внутренняя кривизна пространства,
И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани:
Библейский змий поймал себя за хвост.

7.

Строители коралловых атоллов
На дне времен, среди безмерных вод —
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем — мы сами свой Таноб.
Мир познанный есть искажение мира,
И человек не даром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты
И догматы отстойной культуры —
Познание должно окостенеть,
Чтоб дать жерло и направление взрыву.
История проникнута до дна
Коллоидальной спазмой аскетизма,
Сжимающе взрывы мятежей.
Свободы нет, но есть освобождение!
Наш дух — междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дна времен, как пламя.

16 мая 1926 г., Коктебель. Poemalar